Легенда:

— критический проеб.

— проеб.

— недоработка.

— что-то здесь не так.

— мне понравилось.

— мне очень понравилось

===

«Но мои планы были безупречны!»

— Ты тоже сбежала? — голос прорвался через вой сирен и отдалённые крики.

Она шагнула, и снова, куда-то вперёд. Чтобы кричать самой сил уже не оставалось, но как же ужасно болело лицо.

— Эй, ты тоже сбежала? — послышалось снова, рядом, всего в паре шагов.

— Что?..

Она смогла ответить, но голос прозвучал хрипло, как чужой.

— Ты не похожа на других. Будем дружить?

Прекрасно. Это был жеребёнок. Вдобавок к взрыву, обожжённому лицу и всеобщей панике — ей не хватало только мелких жеребят.

Тем временам он продолжал:

— Я Кроу. А ты?

— Кх-х, можешь видеть?

Она закашлялась, в воздухе висела какая-то жгучая пыль.

— Могу, — жеребёнок ответил обиженно, — но не здесь!

Вдруг рядом прозвучал грохот, переходящий в оглушающий свист. Её схватило: ноги обхватили шею и живот. Тут же понесло вверх, очень быстро, так что перехватило дыхание. Через какие-то секунды копыта ударились о металл.

— Обожаю это место. Такой-то вид! Эти стеклянные дома, парк, речка! Правда, после того как бухнуло, облако мешает и всё дымит...

Пегас. Достаточно сильный, чтобы нести другого, не пострадавший от взрыва. Это был её шанс. И этот шанс, судя по предметам вокруг, только что затащил её в кабинку обзорного колеса.

— Ты видишь небоскрёб, вроде пирамиды, с вырезом посередине? Там ещё символ Стейбл-тек?

— Неа, уже не вижу. Бухнуло где-то там.

Здание было крепостью, способной выдержать что угодно. Но не в момент, когда достраивали убежище, не настолько близкий взрыв. В горле запершило ещё сильнее, всхлип не удалось сдержать.

— Ты чего? — голос жеребёнка ничуть не изменился. Всё такой же весёлый. Он был слишком глупым, или слишком мелким, чтобы реальность понимать.

— Ты из Филлидельфии? Твои родители здесь?

— Эм-м, что?.. — он переспросил, каким-то странным тоном. — Я не очень-то помню. В смысле, вообще...

Копыта потянулись вперёд. Тело жеребёнка было мокрым и горячим, он весь горел. Шанс на спасение оказался всего лишь маленьким пони: страшно исхудавшим, слабым и больным.

— Ты видишь госпиталь? Здание с крестом на крыше? Должно быть недалеко. Пожалуйста, продержись ещё немного. Там помогут, отнеси нас туда.

— Я не могу.

Это оказалось последней каплей, голова закружилась, металл пола коснулся щеки.

Она рыдала. В глазах жгло, но слёзы не текли; нос так опух, что едва получалось дышать; к тому же всё болело, всё чесалось — теперь уже не только лицо, но и ноги, и грудь. Невеликие знания медицины говорили: «Плохи дела» — и нечем было им возразить.

А жеребёнок рядом всё не унимался:

— Тебе на заметку. Я ни разу не плакал в своей жизни! Вообще никогда!

Голос звучал на краю слуха, за плечо трясло. Этот глупый недомерок начинал злить.

— Кх-х, ты Кроу, так? — глубокий вдох. — Хорошо быть тобой. А меня зовут Шейди. Шейдиблум. Первый студент Филлидельфийского университета, наследница богатства, самый перспективный сотрудник Стейбл-тек; и так далее, далее, далее… И я сдохну теперь здесь от лучевой болезни, нет, скорее от жажды или гангрены, вместе с тобой.

Жеребёнок хихикнул, а её всё несло:

— Это будет замечательным завершением полной приключений жизни, где я, лягать, училась, мечтала, но так и не успела закончить ни один проект. И всё по вине этих цветнополосатых мерзавцев, тупых как сраное дерьмо. Прости, богиня, но какую же охуенно мучительную смерть ты уготовала мне.

Мелкий пегас рядом хохотал, явно наслаждаясь цирком. Она едва сдерживалась, чтобы не пнуть его.

— Хотя, может прыгнуть? Полсотни метров, если мы сейчас наверху, — почти ласковое прикосновение досталось жеребёнку. — Давай вместе, раз уж ты не можешь летать.

— Я могу.

Прекрасно. Великолепная новость. Шейди закашлялась снова, прежде чем застонать.

— Просто, мне нельзя уходить. Я должен найти Луну. И я нашёл! Нашёл этот клёвый Луна-парк. Но я не понимаю! Парк должен быть мёртв, но здесь же только деревья, камни… Потом это колесо… — жеребёнок бредил, уже совсем невнятно произнося слова. Его симптомы напоминали последствия травмы головы, или действие какого-то отравляющего вещества.

— Спустишь меня вниз, ко входу в парк?

Он отреагировал не сразу, но вот снова прозвучал свист, копыта обхватили тело. Одновременно обдало жаром, затрясло. Кроу всё делал неправильно, словно бы не умел призывать контур левитации: первое, чему учили маленьких пегасят.

Наконец, они оказались внизу. Копыто коснулось входной арки парка, теперь Шейдиблум знала путь. Вот только больной жеребёнок ни в какую не хотел идти. «Мне нельзя! Ну просто не могу!..» — едва не кричал он. Шейди

убеждала словами, пыталась тащить; но Кроу не поддавался — просить дальше не оставалось сил.

— Я отправлю кого-нибудь за тобой, — пришлось сказать.

Шансы добраться в одиночку были совсем невелики.

И вновь она шагала, стараясь не врезаться ни во что и не упасть. Размер квартала и расстояние до цели, длина шага и число шагов — правильный счёт теперь значил всё. Благо, что план города давно и прочно засел в голове. Сирены стихли, крики паники и боли уже не звучали повсюду вокруг. Всё перекрывало радио: «Пострадал центр, облако взрыва движется на запад. Укройтесь в домах, дышите через повязки. Ждите помощи, помощь придёт!» — повторяла испуганная пони. В последнее не очень-то верилось, но хоть одно утешало — госпиталь был на восточной стороне.

Закончилась стенка кустов, ограждавшая парк, в одну пробежку позади остался перекрёсток. Теперь кирпичная стена дома подсказывала путь. Несколько раз что-то попадалось на пути, под копытами хрустело стекло, позади кого-то звали. В шуме вокруг всё чаще стал угадываться треск, похожий то ли на взрывы от пожара, то ли на стрельбу.

И ещё один переулок, до госпиталя оставалось совсем недалеко, когда рядом прозвучал новый звук. Лязг, стук об асфальт — движение гусеничной машины.

— Стойте! — она закричала со всей силы. — Прошу, сюда!

Движение не остановилось, но послышались тяжёлые шаги, кто-то спешил к ней.

— Одна кобылка. Пострадавшая, — солдат сказал глухо, явно в шлемофон.

И вновь шаги, лёгкие и быстрые. Прохладное прикосновение к шее, потом к лицу; ощущение магии на ранах, такое приятно-холодящее, что даже чуть отступила боль.

А затем голос очень усталой пони:

— Прости, девочка. Мы не можем тебя взять, — металлический щелчок. — Пожалуйста, прости.

Свист сверху, звук удара, удивлённый возглас. И снова реактивный свист; копыта, обхватившие грудь; болезненно-горячее тело, рывок вверх. Тут же волна холодной магии, прижавшая к земле, отчаянный крик жеребёнка.

— Что же мы творим, командир?.. — сказал второй солдат.

Волшебница ответила молчанием, только холод магии ещё больше усилился вокруг.

— Мы должны им помочь...

— Проклятье! Смертник с ОМП!

Магия опутала тело, не давая даже копытом повести, подняло в воздух. Жеребёнок удушающе сильно прижался к шее и спине.

«Вот и конец, — в голове появилась мысль, — какой же глупый конец».

Чуть отступил страх, разум прояснился, мысли понеслись одна за другой. Время уходило, оставались последние секунды. Нужен был шанс, хоть какой-то шанс...

— Я Шейди, студентка, инженер. А он Кроу, мой лучший друг. У меня мама в Стейбл-тек, она строила убежища и метро... Кроу помогал мне, мы шли к госпиталю. Мы просто хотели спастись. Ну пожалуйста, отпустите нас...

— Послушай, — прохладное копыто коснулось плеча, — твой друг умирает. Полосатые твари засунули в него капсулу с отравляющим веществом. Ты тоже сильно пострадала: ты потеряла зрение, надышалась радиоактивной пыли; нормальной жизни не будет, теперь повсюду так.

— ...Пожалуйста, я умею строить, я могу что угодно починить.

— Ты хочешь жить в мире, где погибло всё вокруг?

— Да, лягать! Хочу! Хочу!!!

***

Стук. Громкий удар металла о металл.

Копыта дёрнулись, запутались в чём-то мягком. Шейди рванулась, затрещала разрываемая ткань, под боком оказалась пустота.

— Ай!

Падать было больно. Даже очень — подлые пегасы как специально ставили кровати одну над другой. Но по крайней мере память очистилась от того мерзкого сна.

— И это армия?.. — вздох рядом. — Это уже не армия. Рыцари круглого стола, вашу мать, — голос командира звучал как голос смертельно усталой пони, повидавшей в мире всё.

Она вернулась. Наконец-то, столько времени прошло.

«Наушники? Где там эти чёртовы наушники?» — копытце металось по тумбочке, но никак не могло найти. Вечно они терялись, что хоть спи в них, хоть привязывай о кровать. В итоге под ногами захрустело — все вещи валялись на полу.

Активные наушники заняли своё место, терминал защёлкнулся на ноге. Одно крепление сломалось, но было же ещё два. На шею легла цепочка медальона, который теперь защищал фигурку от всяких бед. И, наконец, нашлось самое важное: устройство обратной связи, что приходилось носить, цепляя к зубам и языку. Ужасно неудобная, колючая, бьющая током штуковина, но единственный способ хоть как-то видеть мир.

Маленький квадрокоптер зашелестел винтами; доклад прозвучал свистом в ушах, язык защипало. Мгновение, и сигнал развернулся в картину мира вокруг. Небольшая комната, серые стены; шкаф, стол и двухъярусная кровать; а на кровати пони, уткнувшаяся носом в подушку, так и не осилившая снять комбинезон.

Шейди шагнула ближе. Бедолага Старлайт валялась совсем дохлой, но всё же нельзя было так её бросать. Копыта толкнули в бок — аккуратно перевернуть — зубы ухватили за молнию комбинезона. Хорошо хоть снималась униформа легко: несколько секунд, и пропахшая кофе единорожка наконец-то избавилась от одежды, чтобы нормально отдохнуть.

— Хороших снов, подруга, — Шейди отстранилась.

После трёх суток — трёх суток! — штабных манёвров и логистической войны, уж кто-кто, но эта пони точно заслуживала права на хороший сон.

— Мм, уже восемь, — Старлайт пробормотала едва слышно. — А ну бегом в школу. Или за уши тащить?

— Бегу, — Шейди ответила шёпотом. Дела действительно не могли ждать. Позади захлопнулась дверь, копытце задумчиво потыкало пол. Шейдиблум поморщилась, сосредоточиться никак не получалось. Командир не в первый раз работала на измор, а потом говорила странное: иногда принимала её за ребёнка. То ли за внучку, то ли за дочь. На самом деле у неё никогда не было детей, только последователи.

Майор не рассказывала о своём прошлом, но на каждую пони в Министерстве Морали нашлось бы досье. И особенно длинные доклады они заводили на «неблагонадёжных друзей». Когда-то добыть досье было бы очень непросто, но в месяцы послевоенного хаоса утекли тысячи баз данных — Шейди считала своим долгом собирать их.

Старлайт Глиммер, единорожка шестидесяти лет: впавшая в немилость колдунья и поэтому самоучка, глава повстанческой партии ещё до войны. Её бы наверняка убили, тогда шли чистки во всех околовластных рядах: но талантливые волшебницы встречались даже реже, чем одна на миллион. С ней договорились, предложили почётное место в Министерстве Магии, возможность свободно действовать на территории врага. Тогда пони ещё верили, что волшебная сила — залог победы в войне.

Но война менялась, чудеса превращались в технологии. Вся магия строилась на переброске энергии через сеть пространственных туннелей, природной надстройки над одной из физических систем. И точно так же, как прогресс в естественных науках позволил строить ракеты — появились туннельные резонаторы и экранирующий сплав. Теперь любые игры с магией можно было засечь и классифицировать, а военная техника получила защиту от прямого воздействия волшебства. Из абсолютного оружия чародеи превратились всего лишь в часть вооружённых сил.

Иногда майор говорила: «Я люблю войну, — но после долгой речи всегда добавляла: — Война дала нам истинное единство, в отличие от обещаний богини и её тысячелетней страны». Была ли она права? Война сближала, ненависть к противнику объединяла всех — но лишь на время. Статистика преступлений не могла лгать — всего лишь тридцать лет войны разрушили

хороший, добрый мир. Правда, до войны это был мир несправедливости, что стагнировал на протяжении веков.

— Знаешь что, Штука?.. — Шейди поморщилась. — Без войны я бы не потеряла зрение. Может быть. А если бы потеряла, навсегда осталась бы в темноте.

Она усилила сигнал до предела, взгляду открылся коридор с десятками дверей. Серая сталь стен, редкие лампы, ребристый пол. Пара патрульных в чёрной униформе охраны, светлокрылых и по-пегасьи грациозных. Лазурная грива, шёрстка в веснушках, блестящие серьги в ушах идущей впереди.

— Вы в порядке?

Шейди закашлялась. Невыносимо жгло и горчило во рту, язык просто горел.

— Ага... — смогла она выдавить лишь через несколько секунд. И, наконец, прокашлявшись, отослала прочь уже собиравшихся звать медика солдат.

Опыт закончился не слишком удачно, но мысли не отступали.

Война изменила мир: ценой стала доброта, а наградой справедливость. Земнопони поднялись к облакам, научились сражаться наравне с единорогами. Декларируемое прошлым равенство в правах превратилось в равенство возможностей. Старлайт говорила: «Я люблю войну». Не хотелось признаваться в любви к явлению, что убивало миллионы. Но пони болели, страдали, умирали — даже в ушедшей благословенной стране. Технологии могли исправить это. Война меняла мир.

Иногда всё рушилось, но всё можно было отстроить. Впрочем, чтобы возродить мир, нужно было работать.

— Штука, доклад. Время, координаты, список: задачи на день.

— Восемь двадцать. Пятьдесят градусов южной широты и тридцать девять западной долготы. Задачи: душ, завтрак, проверка штабной машины, запрос новых аккумуляторов... — быстрый голос компьютера зачитывал список, навевая печаль.

Столько всего ещё требовалось сделать, времени ни на что не хватало. Конечно же батальон был боеспособен: коэффициент технической готовности приближался к девяноста пяти. Но возможность стрясти ещё немного снабжения с пегасов нельзя было упускать. Увы, вопреки всем стараниям

майора, пернатые интенданты готовы были насмерть драться даже за моток кабеля, не говоря уж о технических средствах.

Зато кормили здесь замечательно! Шейди уплетала бисквиты с мёдом, наслаждаясь каждым мгновением завтрака и оттенком вкусноты. Штука пряталась в люстре, под крышей офицерской столовой — непривычно высокого и просторного зала, впрочем, обычного для летучих кораблей.
Места на облаке десятикилометрового радиуса не просто хватало, его было больше, чем можно пожелать. Единственным ограничением оставался вес. Облако весило три миллиона тонн, а летело оно, создавая сверхпроводящий контур по внешнему радиусу: электронный ток в контуре работал как магнит, достаточно сильный, чтобы держаться в магнитном поле земли.
В глубине облака скрывалась структура, очень похожая на бублик, вернее, на несколько бубликов, нанизанных один на другой. Внешние посты, артиллерия, пусковые системы — первое кольцо. Жилые помещения, склады, ангары — второй круг. И центр — реактор в коконе защитных систем. Всё это весило не больше трехсот тысяч тонн, десятой доли от массы облака: того предела, что оно позволяло на себя нацепить.
Шейди, обжигаясь, потягивала персиковый компот и никак не могла разобраться в странном чувстве, что преследовало здесь.
— Берри, а мы ведь, получается, паразиты. Вот скажи?
Штука нацелилась на мордочку пони напротив. Берри улыбалась, завитая грива поднималась волной.
— Хм? — прозвучало вместе с укусом на половину бисквита. — Знаешь что, Шейди?.. Хватит унывать! Завтра будет завтра, а сегодня, скажу по секрету, мы устроим отличный банкет. Этот вечер ты запомнишь как вечер, когда я вытащила майора танцевать!
Берришайн; начальник штаба в батальоне, непосредственный командир; временами казалось, что на плакатах Министерства Морали рисовали именно её.
— Заставить. Майора. Танцевать?.. Готова поспорить?

— Ставлю сотню мармеладок!

— Идёт! — Шейди едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

Конфеты. Уж чего она никогда не ждала, так это того, что именно они станут новой валютой Эквестрии. Маленькие, вкусные, всё более редкие — о да, на них меняли что угодно и везде. Скопить капитал было непросто, особенно ей, а сейчас целое состояние буквально сыпалось в копыта. Впрочем, ответный подарок у неё тоже был.

Копытце потянулось вперёд в очередной раз, но, вот незадача, блюдо бисквитов уже опустело. И завтрак закончился: радио пропищало девять, вместо красивой мелодии заиграл до жути надоевший гимн.

— Берри, не спеши в штаб. Давай вместе к ребятам? У меня есть одна идейка, но, знаешь ли, без тебя не решусь.

Кобыла напротив рассмеялась. Мгновение, и одну не допившую компот земнопони уже вытягивало из-за стола; второе, и Штука едва успела прошмыгнуть следом в коридор. Лучшая на свете столовая с ужасающей скоростью удалялась; двери и проходы мелькали, рисунок карты не успевал.

Берри неслась по коридору словно смерч, словно вихрь — заставляя прохожих вжиматься в стены, а пернатых бедолаг и вовсе отбрасывая к потолку.

Ветер в мордочку, щекотная грива подруги, тёплая спина под животом. Как же приятно. Снова возвращались воспоминания: холодные тоннели, катушки с проводкой, всё не желавшая отступать болезнь — и одна неунывающая пони, умевшая быть повсюду и везде. Как же много она знала хитростей о ремонте старых систем, о всяком военном оборудовании. Но — Шейди улыбнулась — кое-кто ничуть ей не уступал. Они учились друг у друга и в чём-то даже соперничали, когда на уме вертелись сотни разных идей.

Вот и нужное место. Берришайн остановилась, звякнул электронный замок; дверь ангара двигалась скрипуче, пол за ней был слегка погнут. Двумя очень характерными такими длинными полосами. Шейдиблум уже не раз спрашивала себя, кем нужно быть, чтобы ставить в зал для лёгкой техники основной танк? Впрочем, на войне всякое случалось; оставалось только надеяться, что хорошей машине не пришлось падать с высоты.

— Ну как вы тут, болезные? — Берри уже крутилась возле броневиков.

В ответ послышалось сонное и до крайности равнодушное: «Хау, г-спожа стар-лейтенант».
— Не слышу самоуважения! — подчёркнуто рассерженный крик. — Мы же основа, за нами весь движняк! И прямо сейчас мы покажем, кто мы есть!
Что бы ни хотела добиться Берришайн, нужного эффекта это не произвело.
«Кто ебётся в ночь, в рассвет? Лучше связи взвода нет», — с зеванием вспомнилась присказка, где скрывался ответ на главный вопрос. По войскам ходила легенда, что даже МинМорали в итоге плюнуло, потеряв надежду эту ересь пресечь.
— Эй, ребята... — Шейди мотнула головой. — Взвод, стройся! Есть план!
Её послушались почти сразу. Удивлённая Штука наблюдала, как отсюда и оттуда, из неприметных ящиков, люков и закутков начали выбираться чумазые пони. Некоторые улыбались: «старики» помнили, с кем тянули по убежищу километры проводов.
— Так, у крылатых сейчас построение. Поспешим. Взвод, за мной!
Теперь она вела всех: копыта стучали о пол, проносились лестницы и коридоры, дружный топот слышался позади. Мимо-пони из соседних батальонов спешили вжаться в стены, а пернатые попадались редко: парочка патрульных тут, пара охранников там.
Штука помнила карту, сенсоры отслеживали, кто идёт впереди — Шейди старалась избегать лишних встреч. Вскоре закончились коридоры жилой зоны, неприметная лестница вела на уровень вниз, к резервным складам. И здесь путь впервые преградила капитальная дверь.
— Где же ключ? Ах, так где же наш ключ?.. — расхохоталась Берри.
Штука чирикнула. Дверь мелодично звякнула и открылась с первого же толчка. Шаг вперёд, ещё шаг — и сразу же дружный чих. Внутри лежал такой слой пыли, будто на склад резерва с начала войны никто не заходил.
— Что же, — Шейди обернулась, — справа дивизионный резерв связи, слева тоже найдётся пара другая полезных вещей. Мы не варвары, поэтому я...
— Коммутаторы, сигналки, беспилотники! — вскричала Берришайн. — Ребята, тащи всё!
— Но я... список...

— Вперёд, штурмовые инженеры! Что плохо лежит, то нам принадлежит!
Топот вокруг, радостные крики. Слов слушать теперь никто бы не стал.
— Коммутаторов у нас, вообще-то, хватает… — пробормотала Шейди. Их действительно было много: целый ящик на шесть наборов, потом ещё три. Зачем больше? Всё равно аналоговая связь не нужна. Или у Берри к ним старая любовь?.. В убежище она готова была насмерть биться со снабженцами, лишь бы хоть как-то продублировать каждую линию и интерком.
Впрочем, впереди ждал стенд беспилотных машин: полный стремительных Вьюрков и изящных Чаек — и в сравнении с этим богатством вежливость была попросту ничем.

Прошёл полдень, миновало время обеда, а связисты всё разбирались с награбленным добром. Шейди не могла поверить, что лично была свидетелем, как дюжина не самых атлетичных пони выносят целый склад. Когда они закончили, казалось, что даже проводку выдрали из стен.
Теперь же копыто постукивало по борту далеко не нового броневика и одолевали сомнения: а потянут ли машины это всё? Так-то БТРки шестидесятой серии были скорее гражданскими внедорожниками. Посредственный маховик вместо накопителя, трансмиссия на полдюжины крылосил, переутяжеленный кузов…
— А может всё же…
— Постой, — копыто тронуло в подбородок. — Шейди, ты замечательная пони, ты лучший на свете командир, — говорил, мурлыкая от удовольствия, старший машинист. — Ты ведь хочешь мне помочь?.. По мордочке вижу, хочешь, — глубокий вдох. — Так отойди и не мешай!
Ушки сжались от громогласного рыка. Мнение об утяжелённой броне, площади колёс и весенней грязи пришлось оставить при себе.
Майор не раз говорила: «Просто ставь нужных пони на нужные места». И Шейдиблум старалась: читала и перечитывала досье, нашла учебники психологии — пыталась толковую команду собрать. Но всё равно чего-то не хватало — не вышел из неё хороший мэр.

«Что же, каждому своё». — задумчивая кобылка прилегла на диван у стены.
— Штука, семантический поиск. База данных разведки, один-шесть. Филлидельфия, побережье, краткий отчёт.
Голос в наушниках снова принялся читать безрадостный прогноз:
— ...Город непригоден для жизни. В треугольнике Кантерлот-Мэйнхеттен-Хуффингтон сельское хозяйство будет недоступно ещё в течение двадцати лет. Вопреки стараниям погодной службы в район побережья возвращается климат субтропических пустынь. Автономная система управления погодой не оправдала ожиданий, меньше чем через десятилетие от опустынивания пострадает весь центральный регион.
— Филлидельфия: пострадавшие, обстановка, прогноз.
— Из пяти миллионов жителей агломерации погибшими и пропавшими без вести числятся четыре миллиона, пятьсот тысяч нетрудоспособны, двести тысяч подверглись интоксикации структурным гелем. Оставшиеся в городе восстановили часть тяжёлой промышленности, сегодня Филлидельфия — третий из центров снабжения объединённой армии. Психическое состояние жителей ухудшается, прогноз активной жизни — шесть лет...
— Отмена, — Шейди поморщилась. Попыток найти маму она не оставляла, по крайней мере пока спасатели не разобрали завалы в здании Стейбл-Тек. Они говорили: с нижних уровней никто не отвечал — тела не стали искать. И слушая скрипучий голос пострадавшего из спасательной команды, Шейди знала, что хотя бы одной хорошей пони досталась не худшая судьба.
— Кантерлот: поисковая операция, отчёт, — прошептала Шейди. Майор просила посмотреть кое-что для себя.
— Операция приостановлена. Батисфера подверглась атаке, вероятно, автоматических охранных систем. Наземная фаза также закончилась неудачей: все телеуправляемые танки были потеряны раньше, чем вошли в дворцовый район.
Над столицей клубилось такое густое облако деструктора, что удивительно, как там не таял металл. Операция была провальной с самого начала, но Штаб не мог просто отступить. Они пытались каждый год, с одинаковым результатом, когда важных целей хватало и без того.

— Марипони: спасательная операция, отчёт.
— Нет данных. Некорректный запрос.
Этого следовало ожидать. Секретные данные, повсюду секретные данные. Те, что не особо секретные, ещё можно было извлечь из сети Тандерхеда, а вот компьютеры с действительно важными сведениями к общему кабелю не подключали. Под штабом скрывалась экранированная комната — в зале, утыканном охранными системами со всех возможных сторон. А здесь, на диванчике, лежала всего лишь одна скромная пони: безусловно умница, но вовсе не герой.
— База Тандерхеда: воинская часть; задачи, стратегия, прогноз.
— Хуффингтон, Башня Шедоуболтов, стратегический резерв. Сто тридцать восьмая лёгкая дивизия, оцепление города. Потери незначительные, но штаб армии просит разрешения атаковать как можно скорей.
На этом сообщение заканчивалось. О Хуффингтоне тоже старались засекретить всё, что только могли; но эта тёмная метка на карте Эквестрии была уж слишком большой. Приграничная крепость, битком набитая автоматикой и оружием, один из центров противоракетной обороны страны — ещё одна жертва деструктора или гадости хуже того.
Шейди вздохнула. Когда-то она мечтала учиться и работать там, но всё же уступила просьбе мамы, выбрав мирный университет. И не прогадала: в Хуффингтоне творился такой ад, что, можно считать, одной ослепшей кобылке ещё очень повезло.
И, наконец, ради интереса стоило сделать последний запрос:
— Миссия Тандерхеда.
— Архипелаг Танзи а'Рохо, Зебрика, восточный регион. Задача сводной бригады: освободить острова, подготовить базу снабжения флота. Далее, подразделения присоединятся к общему наступлению на континент.
Снова эта подозрительная краткость. А ведь семантический поиск объединял всё, что можно найти. Привычка скрывать данные никогда не была хорошим решением — дезинформация срабатывала лучше. Так может, в управлении разведкой попросту не любили лгать? Что ж, это было бы всего лишь очередной песчинкой к горе всего, что они не любили.

— Безопасная оболочка, цикличный избыточный код, тридцатидвухбитные слова... — Шейди вздохнула, голову опустив. — Знаешь, милая Штука, когда-то я была маленькой и глупой и мечтала о сплоитах, что срабатывали бы всегда.
Штука чирикнула: миролюбиво и добродушно. Она всегда так чирикала, когда не могла разобрать командную строку.

***

— Кроу, ты ужасный жеребёнок!
Хохот с высоты.
— Штука, следить!
Ну конечно же, мелкий пегас уже устроился на потолочной балке, захватив её задними ногами и раскачиваясь как летучая мышь.
— Берри, напомни мне после: никогда не брать на задание жеребят.
Пони позади только хмыкнула. Она тоже была права: пегасы нуждались в полётах, особенно подростки, которые вовсю росли. Большинство детей уже давно отправили на облачные города, остальных к родственникам в западные предгорья. У одного Кроу никого не нашлось. Что не было бы проблемой — Министерство Мира организовало приюты и детские дома — но вот только этот крылатый жеребёнок в совершенстве умел прятаться и убегать.
Впрочем, здесь, в Кальме, тоже было неплохо. Ветер приносил радиоактивную пыль, но понемногу, в химкостюмах разрешалось гулять. Главное, что сам город уцелел. Поселение на триста домиков и пять тысяч жителей оказалось слишком мелкой целью для ракет — всем, что было, зебры целились в мегаполисы и сельскохозяйственный регион.
И теперь город вырос. Близ вокзала уже выстроили десятки ангаров и складов, магнитную дорогу восстановили, грузовые составы прибывали каждый день. Повсюду царила страшная суета, десятки наскоро созданных служб пытались взаимодействовать, но ошибались опять и опять. В который уже раз груз доставляли не оттуда и не туда.

— Так, значит это наши контейнеры. Слушай, Берри, я тут ни при чём. Точно говорю, мы не заказывали у ВоенТеха эту фигню.

Берришайн снова хмыкнула, а со стороны второй кобылки прозвучал грустный вздох:

— Так что, обратно отправлять?

— Шутишь, Рами? Штука, вскрывай!

Робот подкатился ближе, заработал автоген. В Министерстве Военных Технологий обожали кодовые замки, механические вместо электронных. Это расстраивало всегда.

Свист, свист, минута работы, скрип двери. Что тут у нас?

— Опаньки! — Берри воскликнула радостно. — ЭрДи! Сколько лет, сколько зим!

Шейди шагнула ближе, копытце ткнуло в металлический корпус, потрогало обручи винтов и прикрытый крышкой объектив.

— Нужная штука?

— Ещё как. Мы с них снайперов, сука-крыс, отстреливали каждый день.

С чуть большим уважением копыто прикоснулось к расположенному под корпусом трикоптера пулемётному стволу. Вдруг что-то скрипнуло, дрогнул металл.

— Эм-м, он что, активен?..

— Берегись! — крик рядом. — Контакт!

Обхватило бока, отбросило. Шейди покатилась по земле. Удар, вспышка боли, снова удар. Её забросило на спину, копыта застучали о пол.

— Отряд, рассыпаться! Готовь стволы!

— Что?..

И снова падение. Громкий шум винтов.

— У них ебанутая система распознавания свой-чужой, — Берри стремительно зашептала. — Если можешь, нахрен его вырубай!

Ладно.

— Штука, связь.

Развернулось нечёткое изображение. Объектив боевого робота был открыт, винты быстро вращались. Сейчас только небольшая машина стояла на входе в контейнер, преграждая ему путь. Нужно было отключить систему, или же

заблокировать вариатор. Единственная проблема заключалась в том, что щиток управления находился с задней стороны.
— Метр к цели, — Штука продвинулась. — Активировать манипулятор, — гибкое щупальце потянулось вперёд.
Шейди осторожно двигала ногой с кольцами управления. Дело было тонким, глупый робот ничего такого не умел; а к тому же приходилось действовать на ощупь, толком не зная, где цель. Чем-то это напоминало тренировки с разминированием бомб: тех зебринских ядовитых штуковин, которые не разрешалось просто-напросто взорвать.
Несколько долгих секунд, капельки пота на лбу, и всё же успех. Копыто чуть сжало, обратная связь передала прикосновение о металл.
«Будь паинькой. Я не обижу тебя», — бормотала Шейди, ощупывая замок. Летучих роботов на ключ не запирали, там была всего лишь защёлка — но на редкость неудобная, чтобы копытом открывать. Наконец, прозвучал щелчок, манипулятор потянул дверцу щитка…
Стрельба. Короткая очередь, тут же ещё одна. Изображение погасло, канал связи пропал.
— Сид! Как сунется наружу, стреляй! Рами, сбоку заходи! — Берришайн крикнула рядом, послышался характерный для нагрудного оружия металлический звук.
«Какой тупица запихнул снаряженного робота в груз? Это что, диверсия? — Шейди сжалась на полу. — И потом… Проклятье!»
— Кроу, пулей к запасному выходу! Охрану зови!
Он не ответил. Винты взревели ещё громче.
— Блядь!..
Солдаты не стреляли. Что-то стукнуло о металл, тут же грохот падения о пол. Пронзительно, как турбины, засвистели винты. Это могло значить только одно…
— Дебил!
С громким лязгом Кроу бил в корпус машины, скрипели сервомоторы. Робот пытался вырваться из-под прижавшего его жеребёнка, но пока не стрелял… ещё не стрелял.

Выдох рядом, стук копыт. Берри бросилась вперёд. Мгновение, ещё одно; страшное ругательство; и винты затихли, робот наконец-то издох.
— Ты идиот, Кроу. Ты ебанутый на всю голову идиот!
Смех в ответ. Ругательство, звук удара. Секунда, и яростный крик, падение двоих на пол.
— Стойте! — Шейди вскочила, бросилась к ним. — Да что же вы творите?! — испуганная Рами тоже кинулась в драку. Выругался старый механик, Сид.
Они успели. Успели разнять дерущихся, пока ничего ужасного не произошло. Кроу с хрипом дышал, но не был ранен; у него к ноге крепился нож.
— Этот ублюдок чуть не прирезал меня, — Берришайн говорила, медленно отступая.
— Он не хотел.
— Ага, как же, будто я не видела взгляд...

***

— Ну почему же ты бестолковый такой?.. — Шейди вздохнула.
— Гены, воспитание. Комплекс причин.
— А? — она вздрогнула. — Ты кто?
— Рифт Десперадо, помнишь такого, а?
Такого она помнила. Копытце потянулось вперёд: на ощупь пони был тёплым и пушистым, только грубая ткань униформы попадалась тут и там. Мир был несовершенен, впрочем, как и всегда. По крайней мере она чувствовала себя отлично выспавшейся, разве что голова кружилась чуть-чуть.
— Почему пони носят одежду, вот скажи? — первая же мысль превратилась в вопрос.
— Ты не поверишь, но всему виной зебры. Эверглейдс: болота, дожди. Потом война, и полосатые, смеющиеся над цветными, что убегали из-под пуль, показывая голый круп.

Шейди хихикнула, не удержавшись: такой глубиной познаний не обладала даже она. Просто никогда не интересовалась. Ну а вообще, одежда иногда бывала уютной — кто-то заботливый накинул на неё плед.

— Штука, время, — на языке защипала, в мысленном образе появились часы. — Семь? Как, семь?! Ляга-ать...

К началу банкета она безнадёжно опоздала. Нужно было бежать, но ведь жадные пони всё съедобное уже смели со столов.

— Знаю, о чём ты думаешь, — звякнул металл, потянуло ароматом вкуснейшего рагу. — Просто ты посапывала так мило, что я не решился будить.

Губ коснулся край тарелки. Она лизнула — горячее. Зато такое вкусное: с тыквой в основе, а ещё с оттенками сладкого перца, морковки и кабачков. Шли мгновения, тишину нарушало только хрумканье, все мысли кружились вокруг еды.

— Ещё хочешь? — как только тарелка опустела, добрый пони нашёл ещё одну. Как же клёво он умел заводить друзей.

Потом были булочки, горячий шоколад и даже кусочек торта. Шейди чувствовала себя чуть округлившейся снизу и бесконечно счастливой в душе.

— Хочешь прогуляться? Или здесь уютнее, среди любимых машин?

Здесь было действительно уютно, но отказывать просьбе не хотелось. Копытца потянулись вперёд, легли на тёплую пушистую шею. Столь же тёплая и пушистая спина оказалась под животом. Друг таки прислушался к голосу разума и сбросил форму, а она, наоборот, поленилась скидывать плед.

Под копытами позвякивал пол, временами скрипели двери, едва слышно шумели штукины винты. А Шейди наслаждалась уютом, прижавшись к шее друга лицом. Он пах так забавно: яблоками и колой. Она любила принюхиваться к разным ароматам, но это был совсем незнакомый одеколон.

С характерным скрипом опустился лифт, вернее, платформа, что возила грузы к наблюдательному посту. В наружной шахте всегда шелестела вентиляция и дул сквозняк; а когда они прибыли на вершину, в мордочку ударил настоящий ветер, этот непередаваемый запах волшебного тумана и морской воды.

Тандерхед летел, едва не прижимаясь к океану. Показываться зебринским радарам никому не хотелось, да и малая высота упрощала полёт: мощности

магнитного поля требовалось меньше, а значит, облако могло направить больше энергии в реактивный поток.

Ну вот, опять. Мысли так любили увлекаться разными вопросами, продумывать сложные дела. И никаким образом не получалось отвлечься, почувствовать себя маленькой, хотя бы на несколько минут.

— Они похожи на жеребят.

— Они? — Рифт переспросил.

— Облака. Такие странные и в чём-то даже тупые. Вот зачем этому наша война? Ему скучно? Хочется путешествовать и рисковать?.. А другие тянутся к башням, потому что какая-то хитрая кобыла придумала транслировать музыку, приятную для них.

— Думаешь, старые боги глупее нас? Как маргинально...

— Угу.

— ...Но и правдоподобно вместе с тем. Планета как детский сад? Интересная идея. Я никогда не задумывался о таком.

Это было внезапно. Обычно в ответ она слышала только смех. Даже от лучших друзей.

— Как бы то ни было, печально, что мы используем жеребят для войны. Я должен быть там, со всеми; но не могу слушать напутствия кадетам. Слишком много лжи.

Снова он сбежал с собрания — Шейди фыркнула — такой безответственный пони. В дни полёта они уже встречались несколько раз, но поговорить не получалось, вокруг хватало и более важных дел. Вспоминалась первая встреча, его попытка помочь с братом. Наивная попытка одного грустного пони что-то изменить в другом.

Она сомневалась, но всё равно должна была сказать:

— Ты ошибаешься. Мы должны верить в себя, за нас никто Эквестрию не возродит. Мир не станет лучше, если мы будем видеть только горькую правду и смеяться над мечтой.

Много времени прошло, прежде чем он ответил:

— Я не смеюсь. Просто, не верю в нашу особенную судьбу. Сотни цивилизаций жили прежде, сотни будут жить впредь. Проект, Союз, Новая парадигма

Анклава — заметила, какие безличные мы выбираем имена? Будто даже в названиях стремимся подчеркнуть непостоянство идей.

— Есть предложения?

— Да, начать с языка.

Она рассмеялась. Тут же поперхнулась, но не могла себя сдержать. Даже самые безумные её идеи не стояли и рядом с тем, чтобы в чём-то обвинить и попытаться перестроить язык.

— Извини. Не понимаю.

— Я говорю о ругательствах. «Идиотия» — тяжёлая болезнь; «сука» — самка животного; «блядь» — продажная любовь. Сотни слов изменились, чтобы передавать сильные эмоции. Рядом с ними ослабли оставшиеся слова. Язык пострадал, а следом за ним и наша культура. Вспомни конфликт в Кристальной Империи, сражение с Северным Королём; поставь рядом противостояние в Зебрике. Настоящая война пришла, когда вместо: «Умри, подлый негодяй», — мы сказали: «Сдохни, сука».

Эта речь… Что-то до жути напоминала.

— Любишь рыцарские романы, друг?

Громогласный смех рядом.

— Обожаю! И, более того, я же историк, я их пишу!

— Коллега?!

— Неа, Кантерлотский филологический, выпуск шестьдесят пятого года. Потом в армию загребли.

Обстановка неожиданно разрядилась. Шейди прижалась носом к шее друга, наслаждаясь ароматом яблок и вкусных листочков из далёкой южной страны. Не получалось понять: он был весёлым снаружи, а внутри грустным? Или дальше снова весёлым и снова грустным — слоями, как лимонный мармелад?.. Ну вот, опять в голову лезли мысли о еде.

— И всё же задумайся о моих словах, милая Шейди. Мир, это не только вера в проекты. Большая часть мира, это чувства других.

«Милая Шейди?..»

— Ты когда-нибудь хотела завести семью?

«Семью? — она удивилась, — Постой… Да это же свидание! Эй!»

Радость сменилась испугом, выдавить из себя не получалось ничего. «Штука, семантический поиск!..» — хотелось кричать. Но ухо друга было совсем рядом, никто не стал бы такое нахальство терпеть. И, как назло, у неё совсем не было опыта свиданий. «Совсем» от слова «вообще».

— Я был женат, успел завести маленькую дочь. Потом посыпались бомбы, они погибли. Скитаюсь с тех пор без смысла и цели, воюю на этой уже никому не нужной войне.

Он опустился на пол, позволяя ей встать на копыта и отступить.

— Эм...

— И, знаешь ли, Шейди, майор рассказывала о тебе. С восторгом. Я не удержался и вчера весь вечер читал досье.

Повисла тишина. Жеребец остановился рядом, слегка прижимаясь боком, копыто погладило гриву, коснулось уха и щеки.

«Наглостью на наглость отвечай», — вспомнились мудрые слова.

— Штука, семантический поиск. База данных персонала, полк рейнджеров, Десперадо Рифт. Краткое досье.

— Нет данных. Некорректный запрос.

— Хм?.. Штука, каталог баз данных, все файлы; глобально, регулярные выражения, вывод...

— Ищи Пипсквика.

— Что?

Жеребец рядом глубоко вдохнул.

— Специального гвардейского полка венценосной богини Луны, капитан!.. Пипсквик.

Она рассмеялась, и через мгновение с громким хохотом к ней присоединился несчастный Пип. Плед слетел на пол, но и не беда, прилечь на него было гораздо приятнее, чем морозить живот о голый металл.

— Ты славная пони, Шейди. И в тебе есть нечто особенное. Беззащитность, нежность — такая редкость на войне. Давай попробуем подружиться? Вдруг повезёт?.. Найдём дом, смысл жизни. Хоть что-то хорошее будет впереди.

Шейди опустила голову, копыта сжали уши, так что наушники больно врезались в них. Она не знала, что сказать.

— Твоя очередь откровенничать, Блум.
Рифт не давал даже подумать. Нужно было сказать какую-нибудь глупость, и как же хорошо она умела глупости говорить.
— Ты мой друг. А мои друзья, это моя семья. Знаешь, однажды я встретила жеребёнка: у него никого не было, как и у меня — так мы стали семьёй. И мама, она была очень занятой пони, но всё равно взяла сироту, потерявшую всё. Обожаю вспомнить её мордочку, когда я в лучшую школу прошла.
— Не бойся, — он обнял её крепче, — я не собираюсь, как в дешёвых романах, после признания в любви скоропостижно помирать.
Шейди тоже не собиралась. Но болезнь, истощение, статистика смертей — оставляли немного шансов дожить до тридцати. С другой стороны, если повезёт: оставшиеся семь лет, это же такая уйма времени. Сегодня она понимала Пипсквика и тоже не хотела ждать.
— Только одна просьба. Ты знаешь, у меня не будет жеребят. Можно без секса? А то каждый раз буду о грустном вспоминать.
Пип хмыкнул, носу достался тёплый и чуточку мокрый поцелуй.
— Конечно. Я давно это перерос.
Они болтали обо всём на свете, старясь реже касаться тем смерти и войны. Мордочку ласкал ветер, негромко шумела вентиляция, иногда рядом пролетали пегасы. Колонна наблюдательного поста поднималась над молочно-белым туманом, плотным как вата, если нырнуть в него. А заходящее Солнце оставляло дорожку в океане, словно бы указывая путь.
Оставалось полтысячи миль и меньше двадцати часов полёта до островов.

Выводы:

Персонажи: наивно-полужестокая Шейди, реактивная Берри(Руби), подозрительный Пипсквик, уставшая Старлайт.
Пейзажи: разъебанный город, пыльный склад, смотровая вышка.
Сюжет: нихуя не происходит. Ака затишье перед бурей.

Итог: Летучий замок. Отсылочка на Миядзаки? Если коротко то глава ни о чем. Да здесь есть экшон, в виде пиздинга со склада и маленькой потасовки с беспилотником РД. На этом все. Что же в остальном? Кучи диалогов, пространные мысли Шейди. Создается впечатление что в мире ничего не происходит. Как можно решить эту проблему? Радио. Шейди включает радио и слышит что происходит в мире. Алсо на всем корабле нет никакой музыки? Это как минимум странно. Алсо вот в начале есть состав из группы и в нем нет никого кто был бы отвественен за продовольствие. Или же они собираются жить мародерством на новых территориях?

До новых встреч.